

Свет неугасимой звезды

Марта Соколова

Книга содержит откровенные сцены и предназначена для прочтения лицами, достигшими 18 лет.

18+

Марта Соколова

Свет неугасимой звезды

«Автор»
2026

Соколова М.

Свет неугасимой звезды / М. Соколова — «Автор», 2026

Как-то давно меня заинтересовала тема откровенной эротики в литературе. Ведь в наших книгах или вовсе не пишут об этом, оставляя все "за занавесом", на откуп фантазии. Или пишут так грубо и топорно, что эти страницы хочется сразу перелистнуть от чувства глубокой неприязни. Но как же так? Люди от начала Вселенной любили друг друга и наслаждались чувственной стороной отношений. Где это все в произведениях нашей классической литературы? И тогда мне самой захотелось написать откровенную сцену от начала до конца так красиво, чтобы у читателя сердце вылетало из груди)) «Свет неугасимой звезды» - это необыкновенно романтичное чувственное произведение написано в уникальном стиле: поэзия в прозе. Оно посвящено молодоженам. Их полная красоты и гармонии жизнь была похожа на прекрасный полет, которому не суждено завершиться на Земле. Преодолев земной рок и растворившись в бескрайней Вселенной, они оставили этому миру главное: свет своей неугасимой звезды.

© Соколова М., 2026
© Автор, 2026

Марта Соколова
Свет неугасимой звезды

- Дай мне, дай я посмотрю!

- Отойди, мешаешь же!

- Ты и так уже долго тут стоишь!

Наконец стайка девушек разместилась, оккупировав щелку в двери.

- Ой, какой симпатичный…

- Везет тебе, Севара, - с завистью произнесла Шираз, и так громко, что остальные зашикали на нее.

- Тихо ты!

- Севара, иди сюда!

- Севара!

Последние нетерпеливые обращения адресовались единственной девушке, которая стояла поодаль и не участвовала в шпионской затее сестер и подруг. Но, наконец, и она не устояла. Сложив губки буквой «О», так, что получилась яркая вишенка, она тоже заняла свое место у дверной щели.

- Как его зовут? – спросила самая младшая сестра Тея. В моменты крайнего волнения она не выговаривала некоторые звуки. Поэтому получилось «Как его жовут?»

- Север! – с достоинством отозвалась Мика, лучшая подруга Севары.

- Что за странное имя?

- Это не имя! – очень обстоятельно пояснила Мика, - это его позывной в армии. Он больше не служит, но все так и продолжают его называть.

- Север и Севара! – вдруг громогласно объявляет Шираз, и снова получает тычка от сестер, ибо ее громкий голос нарушал все таинство мероприятия.

- Не жавидуй! – прошепелявила малышка Тея, смешно оттопыривая задик, над которым бабочкой дрожал большой розовый бант. На пухлые по-младенчески ножки были натянуты белые гольфы, один из которых сполз вниз рыхлой гармошкой.

- Тебе-то что? – запальчиво воскликнула Шираз, розовея от смущения.

И неумолкаемый девичий стрекот вдруг раздался одновременно со всех сторон. Но Севара уже не слышала его. Лишние звуки и лишние мысли покинули ее. И только смуглое мужественное лицо Севера, выточенное неведомым художником, стояло перед ней. Узкие глаза с характерным азиатским, немного наплывшим веком, острые скулы, черные прямые волосы, падающие на лоб. Даже это движение, которым он убирал непослушную челку с глаз, - все завораживало Севару, заставляя вздрагивать чуткое девичье сердце. И что-то тайное, сокрытое от чужих глаз, рождалось сейчас глубоко внутри…

- Не шмей! Не шмей! – топала ногой Тея.

- Кыш отсюда, мелочь!

- А генерал Ли, вы знаете? Вы же не слушаете! Ну послушайте меня!

В секретном убежище за дверью стало очень шумно. Тонкие девичьи голоса из мягкого шепота переходили на крик, а, спустя долю секунды, из-за двери раздался громкий рев Теи. Она плюхнулась на пол, благо позволяли габариты. И, как большая дорогая кукла с вытянутыми руками и растопыренными толстыми пальчиками, взывала к совести присутствующих.

- Отстань! – кричала Шираз.

- Хватит вам, курицы! – раздраженно твердила Мика, пытаясь перекричать всю эту какофонию.

«Нет.. - вдруг подумалось Севаре. Громкие звуки неприятно покалывали ее изнутри. И, как была, в широкой, длинной, до самых пят, розовой рубашке, тихонько отстранилась от своей

компании и направилась в сад. Дабы не привлекать внимания топотом каблучков, она скинула туфли и, держа их в одной руке, легко заскользила босиком по задней лестнице особняка.

В саду было тихо. Прозрачной дымкой дрожал нагретый щедрыми солнечными лучами воздух. Вдоль большой аллеи зацветали бархатные пионы. Пышные их бутоны, потревоженные движением человека, слабо покачивались, теряя редкие драгоценные капли влаги. Они, как будто, звали ее к себе. «Нет», - снова подумалось Севаре, и она свернула прочь, на тонкую, едва заметную тропинку, ведущую в старый сад. Темная, корявая ива, сломанная когда-то почти пополам, но еще живая, с пышной серебристой кроной, встретила ее. Одна половина ее восходила к небу. Вторая – надломанная у самого основания, спускалась вниз, окуная ветви в темную воду старого озера.

- Здравствуй, Неро! – тихо сказала Севара и, встав на колени, потянула тонкую руку к воде. Она едва коснулась темной застывшей глади, как от пальцев во все стороны побежали круги. Испуганные водомерки бросились врассыпную, ловко перебирая палочками ног. Желтый лягушонок, сидящий на крупном листе лопуха, легко взбрыкнул задними лапами и последовал их примеру.

Севара улыбнулась.

- Здравствуй, Неро, - снова прошептала она, почти не дыша. И, ей показалось, в безмолвной вечерней тиши озеро ответило ей. Но было что-то новое, незнакомое, в том молчаливом вздохе, который коснулся ее потревоженной души.

Все было то же: и старая ива над суровой гладью воды, и кувшинки белоснежными лепестками, и желтые простенькие кубышки, и тишина, и запах жасмина тончайшей нотой среди привычной ей музыки жизни. И даже небо, покачнувшееся в ответ на прикосновение ее руки.

- Что же ты, Неро?

И вдруг Севара поняла. Изменился не мир вокруг нее. Изменилась она сама. Что-то случилось внутри. Что-то новое, необъяснимое, глубоким таинством рождалось в ее душе. И оттого было грустно. И радостно. И оттого, вздрагивая и робея, волновалось старое озеро.

- Я всегда буду с тобой, Неро! – пообещала она и, поцеловав свои пальцы, коснулась ими воды, отдав чуткой стихии всю свою глубокую нерастраченную нежность.

Севара подобрала платье и хотела подняться, но вдруг босая нога ее соскользнула по влажной земле. Она схватилась за ветку ивы, но мокрая листва также легко выскользнула из ее руки, и Севара, вскрикнув, съехала вниз. И целиком, с головой, ушла в теплую стоячую марь водоема. Она тотчас нашла ногами дно и, оттолкнувшись, выплыла на поверхность. Розовый сарафан на долю секунды упрямым куполом виднелся над водой, но сразу намок и теперь мягко обвивал ее ноги, как большая водоросль. Испуг уже прошел, и Севара засмеялась. Так вот ты какое, Неро! Привычными плавными движениями она достигла берега и, на этот раз, схватившись за толстое основание старой ивы, подобрав платье, вылезла из воды. Волосы, собранные на затылке тугим узлом, намокли и теперь неприятно тяжелили голову. Одним движением Севара распустила ленту, и помотала головой. Черные волосы густым водопадом хлынули на ее плечи, скромно прикрыв собою маленькие груди с крепкими башенками сосков. Она отжала подол платья, но мокрый шелк тут же снова лег к ее ногам тонкими гибкими складками, во мгновение ока создав из живой девушки прекрасную статую. Остренькие хрупкие плечи, волнующие изгибы девственной груди и живота и длинные стройные ноги – все вылепил, как из живого мрамора, воспев перед всем миром совершенную красоту женщины. Красоту, созданную рукою Творца.

Послышался шорох. Удивленная, Севара подняла глаза. Почти совсем рядом, в той же военной форме, смущенный до глубины души (она почувствовала это), - стоял Север. От неожиданности губы Севары снова сложились в алую вишенку, узкие глаза округлились, даже

тонкая морщинка коснулась высокого лба. Север несколько раз порывался что-то сказать, но отчего-то никак не решался. Сильные руки его теребили сорванный цветок.

Игривый ветерок тронул две как будто застывшие в изумлении фигуры, пощекотал легким вечерним холодком, и Севара вздрогнула. Инстинктивно она прижала к груди руки, пытаясь, как будто, завернуться в невидимое покрывало. Но больше не пошевелилась, снова превратившись в прекрасную статую. А Север так и не нашелся, что сказать. Но вдруг, быстро перебирая пуговицы, скинул с себя мундир и осторожно, стараясь не касаться руками, накинул на плечи девушки. А потом так же, не нарушая тишины, вложил в её ладони пурпурную чашечку цветка...

Вечер подкрался незаметно, спрятав за вытянутыми линиями облаков розовое солнце. Севара знала, что в это время вся её семья пьёт чай за большим столом, и поэтому в саду никого не было. Недалеко от дома Севара предусмотрительно сняла с плеч мундир и, сложив его в несколько раз, спрятала под мышку. Единственный, кто встретился ей по дороге, была нянюшка.

- Господи, на кого ты похожа? - изумилась она, потеряв очки с носа.

- Доброй ночи, нянюшка, - прокричала Севара, вбегая по крутой лестнице наверх.

Не зная, куда девать мундир, Севара спрятала его в единственное надёжное место - под подушку. Горячий душ сделал свое дело и, согревшись, девушка нырнула в постель, накрывшись одеялом с головой. И вдруг улыбнулась. От мундира исходил запах. Тонкий, едва различимый аромат парфюма. И... Наверное, это был запах его тела. Даже в темноте под одеялом Севара покраснела. Потом осторожно залезла пальцами под подушку, погладила грубоватую шерстяную материю. Нащупала круглую металлическую пуговицу... Она долго не могла заснуть, обуревая потоком мыслей. Они крутились и путались. В полутьме, полудреме огорчали её и радовали. Тревожили и без того струной звенящее чувство ожидания. Ожидания бесконечного, необъятного, так что не описать словами, всепоглощающего счастья…

В следующий раз Север и Севара увиделись уже под бдительным надзором родителей. Строгое темно-синее платье, по азиатской традиции с воротником-стойкой и тремя косыми застежками на груди. Нянюшка хотела приколоть к волосам орхидею, но Тея, стоя на стуле, тянула ручки и кричала:

- И мне, нянюцка, и мне!

И Севара, улыбнувшись, отдала цветок сестре.

В конце одевания зашла мама. Статная, еще сохранившая следы пышной былой красоты, она была в строгом бархатном платье-футляре, из украшений - нитка жемчуга на еще полной прекрасной груди. Заботливо оглядев дочь, она посмотрелась в зеркало и вздохнула, потрогав седеющие волосы.

- Ты прекрасна, мама, - тихо, любуясь ею, сказала Севара и, прижав к груди, поцеловала мамину руку.

- Спасибо, милая, - и, вздохнув чему -то своему, родительскому, мама, обняв руками голову Севары, поцеловала ее чистый открытый лоб.

- Где-то наш папа затерялся…

- Но отец уже шел к ним своей неизменной прихрамывающей походкой. После неудачной операции у него плохо сгибалась нога. Врач давно настоятельно просил его взять трость. Но отец не сдавался. Краснея до кончиков ушей, ворчал что-то себе под нос, и хромал дальше.

- Ты красавица, девочка, - довольно проворчал он, увидев Севару, - А ты, пигалица, чего здесь?

Но Тея никогда не боялась отца.

- Я не пигаица, - смело крикнула она и, приседая от волнения, потянула к нему обе руки.

- Ну, ну, малыш…

Отец спустил со стула младшую дочь и, наконец, поцеловал Севару куда-то в район розового уха.

- Идем же!

Но тут всхлипнула нянюшка и, достав платок, стала вытирать глаза. Все остановились и начали утешать нянюшку. Только Тея дергала всех за руки, не осознавая деликатности момента.

- Нянюшка, возьмите ее, - наконец попросила мама и, передав младшенькую в сильные руки няни, в последний раз оглядела Севару.

- Ты уверенна, милая?

- Ой, ну опять начинается! - рассердился отец и, сам взяв под руку старшую дочь, направился к двери.

Им предстояло дойти только до гостиной. Сначала, отвлекшись семейной драмой, Севара была спокойна. Но у самой арки в гостиную вдруг запнулась и задышала часто, словно ей не хватало воздуха. Опустив глаза, она перешагнула порог залы и так же, не поднимая головы, влекомая отцом, оказалась перед своими гостями. Генерал Ли, седой и статный, представлял собой впечатляющее зрелище. Отдав дань вежливости и традиции, Севара приветствовала его с особым трепетом. Потом следовал еще целый ряд долженствующих приветствий, родственных и официальных объятий, поцелуев, поклонов и, наконец, перед ней появились серебристые пуговицы военного мундира. Едва дыша, Севара подняла глаза. Но Север только поклонился, по-военному коротко и сдержанно, не проявив никаких эмоций.

Долгая церемония обмена подарками, щедрый богатый стол надолго заняли гостей. Потом вышли гулять в сад. Тёплое дыхание вечера окутывало землю, завораживая и насыщая воздух богатством целой палитры запахов. Тонкие, сладкие, мускусные ароматы, сливаясь в единую симфонию, переливались и множились, воспевая хвалу великому таинству жизни. А где-то далеко, едва слышно, разливался робкой, изысканный трелью соловей. Медленно затихли голоса. Шли парами, растянувшись по всему саду.

Уже совсем поздно, когда в окна светила набирающая силу серебристая луна, семья с гостями расположилась на уютных диванах большой гостиной. Пили чай из прелестных маленьких пиал, угощались лёгкими сладостями и немножко беседовали. Долгий, драматичный событиями, официальный вечер подходил к концу. Экспрессия чувств угасала, сменяясь музыкой тишины и блаженством заслуженного покоя. И только Севара, спрятавшаяся в уголке, не находила себе места. Тревожное ожидание все сильней охватывало её сердце. Ибо с каждой минутой, растворявшейся вслед уходящему дню, внутри нее росла горечь разочарования и даже обиды. Ведь за все время приёма Север ни разу не подошёл к своей невесте. Не коснулся, как бы невзначай, её руки. Не поймал кроткого тоскующего взгляда её глаз. И его сдержанный поклон оказался единственным знаком внимания с его стороны. Растерянно Севара сминала пальцами рукавчик платья и, наконец, уже в самом конце долгого дня, когда вечер по всем признакам двигался к завершению, она, едва сдерживая слезы, украдкой скользнула за дверь.

Одинокая беседка, густо обвитая диким плющом, встретила ее радушно. Севара обняла обеими руками резную колонну и, прижавшись лбом к холодному дереву, закрыла глаза. Шершавые ветви щекотали лицо. И вдруг крупные обжигающие слезы потекли из ее глаз. В свете луны вздрагивали бледные пальцы. И сердце ее, молодое, томящееся необъяснимой тоской, разрывалось изнутри. Видимо этот долгий официозный вечер был расплатой за то купание в теплой воде Неро, за мокрое платье. За девушку - статую на берегу старого озера…

И вдруг она почувствовала сзади тихие шаги. Теплые большие руки легли ей на плечи, развернули к себе. Север… Девушка хотела бы, но уже не могла остановиться. Боль, отчаяние и любовь, все смешало в этом потоке соленой влаги. Но Север спокойно обнял обеими руками ее лицо, вытер обильные слезы и вдруг… поцеловал. Простым движением вынул из нагрудного

кармана кольцо. Крупный бриллиант властно сверкнул, заиграл многоцветными бликами в холодных лучах ночного светила.

- Нет больше никого для меня на этой земле, Севара. Есть только ты, моя жизнь и моя любовь.

Тонкие холодные пальцы послушно легли в горячую ладонь, Север надел кольцо и поцеловал прекрасную узкую руку...

***

Мама что-то вышивала, но, то и дело, клала рукоделие на колени, задумываясь о чем-то своем. А Севара, уютно устроившись на подушке у ее ног, перебирала бусы из ее шкатулки.

- Генерал Ли такой суровый!

- Мама, я не за него замуж выхожу.

Родительница смерила дочь укоризненным взглядом, но вздохнула, и ничего не сказала в ответ. Зато потом, повышивав еще немного, мама, смущаясь, спросила:

- А что с мамой Севера?

- Не знаю. Вроде, она умерла очень молодой. В кабинете генерала Ли висит ее портрет. Она была очень красивой.

- Хорошо бы узнать, что с ней случилось, - стесняясь, очень тихо проговорила она.

- Ну мама! – с упреком сказала Севара.

- Милая, у вас будут дети, ты должна думать о наследственности! – строго сказала мама, глядя на Севару.

Но в этот момент открылась дверь. На пороге, держа за ногу голую куклу – пупса, стояла Тея. У младшей сестры Севары ровная челка до бровей и такие же, ровно подстриженные, черные волосы до плеч. Ресницы тоже черные, крутым изгибом. Поэтому, Тея похожа на красивую куклу. Но сейчас Тея оказалась настоящей чумичкой. Платье завернулось, поясок под мышками, один носок, как обычно, - гармошкой.

- Тея! На кого ты похожа! – ахнула мама. Но Севара с удовольствием протянула ей обе руки, и малышка сразу пошла к сестре на подушку. Севара разгладила послушные волосы, поправила поясок и платье, подтянула носочек. Потом взяла куклу и, покопавшись в мамином сундучке с рукоделием, завернула ее в платок на манер платья. Тея с благоговением приняла ляльку, держа ее уже не вниз головой. Долго рассматривала, качая ее и баюкая.

- Мама, а почему у вас с папой родились только девочки? - стесняясь, спросила Севара.

- Знаешь, милая, раньше это было бы большой проблемой. Ведь каждый мужчина хочет иметь сына. Но папа вас всех очень любит, - как бы спохватилась мама.

Но дверь снова отворилась, и на пороге оказалась Шираз. Ей двенадцать. Она слишком рослая для своего возраста, угловатая, и очень стесняется этого. Поэтому, то и дело, сует в рот кончики волос. Она, прямо, как художник с кисточкой. Но Севара и ей ласково протянула руки. Шираз, довольная, быстро отыскала себе подушку, и тоже легла на нее животом.

И все снова долго говорили о свадьбе. Пока выбирали платье, чуть не сломали голову: традиционное или европейское? В результате, выбрали цвета шампанского, но с традиционным кроем. Мама волновалась.

- А, если он придет в традиционном?

Трудный вопрос. Севаре пришлось поделиться опасениями с Севером. Он улыбнулся и обещал поддержать тренд. В результате, он был в костюме цвета слоновой кости. Серьги розового золота подарила мама Севары, а прелестную жемчужную диадему преподнесли тетушки Севера. Фату выбрали совсем короткую, похожую на плотную дамскую вуаль. Но Севаре не нравились длинные варианты. Ей почему-то казалось, что они похожи на занавеску. Кольца, тоже розового золота, выбирали родители, молодые ни разу не видели их до свадьбы. Долго обсуждали, делать ли сразу, одно за другим, два мероприятия: официальную регистрацию и банкет. Мама, конечно, хотела сделать все с толком, и предлагала отложить торжество. Ну тут

заупрямилась Севара. Она никак не соглашалась ждать своего счастья, пока родители подбирают банкетный зал или свадебный кортеж по своему вкусу. Мама вздохнула, и намекнула, что раньше дети не лезли в организацию таких важных мероприятий, и делали все так, как планировали родители. Но Севара ловко замяла инцидент, сделав вид, что все изначально так и задумывалось. Вообще, споров и переживаний было много. Даже крохотная Тея умудрялась вносить свои поправки. Хорошо, что генерал Ли был обычно занят, и не мешал семье невесты пререкаться друг с другом. Тетушки же Севера занимали больше отстраненную позицию. И, пока что, ограничили свое влияние на происходящее щедрым подарком.

Но уж украшением банкетного зала мама занялась сама, не доверяя это дело никому другому. Были задуманы и живые цветы, и чаши с лепестками лотоса и свечами, и бамбук, и ширмы. Севара заикнулась было о том, чтобы осыпать молодых лепестками роз, но мама прямо замахала руками в ужасе. Севара подумала и не стала спорить. Север, красавец Север становился ее мужем. Ради этого можно было пожертвовать и большим…

Об одном только не было сомнений – после свадьбы молодые уезжали в особняк генерала Ли. А сам генерал на долгие семь месяцев уезжал из страны в командировку, оставляя дом в полном их распоряжении.

Потеряв всех своих девочек, отец, хромая, бродил по дому. Заглядывал в спальни, в библиотеку, в столовую. Никого. Наконец, яркая догадка посетила его, и семья воссоединилась. Отец узнал последние новости о свадьбе, горячился, сердился, но, в результате, сам не заметил, как согласился со всем, что придумали его девочки. Точнее, ему казалось, что он сам это все придумал. А Севара тихонько улыбалась про себя: все шло по плану. Наконец, устав спорить, решили идти в столовую пить чай. И тут оказалось, что Тее давно пора спать. Точнее, она уже давно и сладко спала на коленях у сестры.

***

Дни мелькали быстро, в движении и заботах. Но после них часто приходили томительно долгие вечера. Ожидание тяготило. Редкие официальные встречи с Севером – они единственные оттесняли тревогу, на долгое время заполняли душу Севары радостью долгожданного свидания. И, хотя Север в присутствии домашних, был по-прежнему сдержан и немногословен, Севара все сильнее чувствовала его сердцем. Каждое легкое изменение его мимики она мысленно переводила в слова. Она, как будто, читала его, как тайное, скрытое от всех послание.

В свадебной фотосессии участвовали обе семьи. Молодые – в традиционных одеждах пурпурно-красного цвета. Летний императорский дворец был прекрасен в это время года. Длинными белыми кистями распустилась в парке китайская софора. Ее свежий, сладковато-дурманящий аромат трогал за душу. Пышно, играя переливами цвета от чайного до лавандового, от розового до карминного цвела китайская роза и сирийский гибискус, создавая настоящую неповторимую феерию цвета.

На озере их уже ждала большая императорская лодка. Севара погрузилась в нее со страхом, потому что тяжелое платье и украшения на голове требовали от нее ежесекундного внимания и осторожности.

Множество туристов и просто гуляющих обтекали их вместе с фотографом, как вода обтекает камень. Не стесняясь, снимали на телефоны, обсуждали громко, почти навязчиво, разрушая всю деликатность ситуации. Приходилось мгновенно, по велению фотографа, позировать, когда он видел возможность сделать фото без посторонних участников. Северу по простой военной привычке это было легко. Но почти на всех фотографиях он получился одинаковым – сдержанным и спокойным. А Севару обуревала целая гамма чувств от радости до отчаяния. Она была нежна и страстна. Она досадовала и грустила. И фотограф, замучившийся с нею, уже начал сердиться. Его помощница, распоряжавшаяся прической и макияжем, тоже вся извелась, ежеминутно подправляя и одергивая. Потому что вольный порывистый ветер, и

качание лодки, и брызнувший вдруг короткий летний дождик, постоянно нарушали гармонию торжественности и красоты.

Выйдя из лодки, Севара поняла, что устала. Было нелегко пытаться удержать равновесие и позировать, и улыбаться. И Север, сразу заметив это, неожиданно приостановил съемку.

- Ты устала, любимая?

И от этого слова мир в сердце Севары перевернулся и замер. Теперь она была готова фотографироваться бесконечно, без сна и покоя, даже без воды и еды, только бы быть рядом с этим прекрасным, заботливым, любящим человеком. Она подняла на Севера свои прекрасные очарованные глаза и прошептала: «Нет». Но Север не поверил. И, спустя недолгое время, они уже сидели за столиком на мягких плюшевых диванах большого ресторана. Перерыв, вкусная еда, негромкая музыка пошли всем на пользу. И последнюю часть фотосессии все восприняли с большим вдохновением. Молодым надо было переодеться, чтобы сменить образы. Севара в длинном шелковом платье с цветами в пышных волосах, и Север в классическом черном костюме. Они были молоды и свободны. Любимы и желанны. Они были будущим этого мира. Они были надеждой этой Земли.

***

Официальная регистрация брака была такой короткой, что Севара не успела ничего понять. Идеальная государственная машина подхватила их и через двадцать минут отпустила в большой мир с двумя красными книжечками – свидетельствами о браке. Едва они отошли от окошка, как Севару тут же ревниво подхватила мама. Несколько фотографий в фотозоне прямо на телефон завершили скромное действо. И под предлогом предпраздничных хлопот мама сразу повлекла дочь домой. Север не препятствовал ей. Севара тоже. Но грусть снова охватила ее измученное сердце. Ибо среди множества людей, окружавших их в этот день, им опять не удалось побыть вдвоем. Сидя в такси, Севара разглядывала документ. Неужели она теперь замужем? Все как-то быстро и странно. Не было торжественности. Все прозаично, даже грубо по отношению к ней, чье нежное токующее сердце стремилось к воссоединению с любимым. Она вздохнула. И снова долгими вечерами, томимая любовной тоской, она оставалась наедине со своими мыслями. Пока что жизнь отпускала ей счастье, скупясь. Короткие встречи и долгие, наполненные воспоминаниями, думы. Часто ей не спалось по ночам. Сон уходил, уступив место тревоге. И тогда Севара запускала руку под подушку, где до сих пор, в тайне от всех, лежал свернутый военный мундир Севера. От него уже не пахло чем-то необыкновенным, таинственным. Но Севара трогала его шершавую ткань, серебристые пуговицы, и душевная буря немного стихала. Наступало смирение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.